BIBLIOTEKARZ PODLASKI
3/2020 (XLVIII)
<https://doi.org/10.36770/bp.525>
ISSN 1640-7806 (druk) ISSN 2544-8900 (online)
www.bibliotekarzpodlaski.pl

Eugene Vasilyev*

Uniwersytet Państwowy w Równem, Ukraina

<https://orcid.org/0000-0001-5133-3989>

**„Футбол - это больше чем игра”.
Одесский футбольный миф в литературе XX-XXI веков**

“Football is more than a game”.

The football myth of Odessa in literature of the XX-XXI centuries

Abstract: The article is devoted to the function of the Odessa football myth in literature of the last century. Numerous texts by such Odessa authors as Olesha, Kataev, Utesov, Ilf and Petrov, Bagritsky, Kozachinsky, Zhvanetsky, Kartsev and others serve as material. Part of the Odessa football myth is the birth myth. In this case, the birth of the game – initially alien and incomprehensible to contemporaries. In the myth about the birth of football, the primacy of Odessa is repeatedly stated. The football myth is infused with the motif of freedom, which stands not only above sporting rivalry and social and political views, but even beyond time and space.

Keywords: football, football myth, the Odessa text, birth myth, myths about heroes, eschatological myth.

* Eugene Vasilyev – dr; docent, kierownik Katedry Teorii i Historii Literatury Światowej w Państwowym Uniwersytecie Humanistycznym w Równem (Ukraina); autor monografii: *Dramat współczesny: transformacje gatunków, modyfikacje, innowacje* (2018).

В последние годы ученые разных стран (Ростислав Александров, Владимир Варна, Белла Верникова, Олег Губарь, Елена Каракина, Олег Кудрин, Ярослав Лавский, Наталья Лищенко, Татьяна Мейзерская, Анна Мисюк, Марк Найдорф, Ярослав Полищук, Татьяна Свербилова, Людмила Скорина, Борис Херсонский, Ян Паул Хинрик, Алена Яворская и мн. др.) неоднократно писали о разнообразных одесских мифах, их генезисе, функционировании и поэтикальных особенностях. Нам хотелось бы обратить внимание на один из важнейших, на наш взгляд, мифов, функционирующих в литературе на протяжении последнего столетия, однако не ставшем до сегодня предметом отдельного исследования. Это одесский футбольный миф, точнее даже *одесская футбольная мифология*, составляющие которой мы обнаружим у многих выдающихся творцов одесского текста.

Если попытаться соотнести одесские футбольные тексты Олеши и Катаева, Ильфа и Петрова, Козачинского и Утесова, Багрицкого и Бондарина, Жванецкого и Карцева с традиционной мифологией, можно обнаружить, что в одесской мифологии футбола присутствует и своеобразный космогонический миф (миф о рождении футбола в Одессе), и мифы о героях (как о выдающихся футболистах, так и о не менее великих болельщиках, а также одесских зрителях в целом), и миф о соперничестве (в том числе и внутри самой Одессы), и миф о сакральном локусе (в данном случае одесском стадионе), и идиллический мультикультурный миф (связанный с известным одесским мультикультурализмом), и эсхатологический миф (артикулирующийся в мотиве заката, гибели одесского футбола во время трагических событий начала XX века).

Важнейшей и популярнейшей частью одесской футбольной мифологии является *космогонический миф*. В данном случае это рождение игры – поначалу чужой и непонятной современникам. Юрий Олеша назовет это „зарей футбола”. Литературные подтверждения возникновения и первых лет становления футбола мы найдем в текстах того же Олеши, а также Валентина Катаева, Александра Козачинского, Леонида Утесова и других живых свидетелей и участников.

Eugene Vasilyev, *"Football is more than a game". The football myth of Odessa in literature...*

Начало XX века было и началом русского футбола. В пятом-шестом годах в Одессе уже играют довольно приличные футбольные команды. Одна из них состояла из англичан, служащих в разного рода английских фирмах. Другие команды: ОКФ – Одесский кружок футболистов и Шереметьевский кружок – из местных жителей¹.

В мифе о рождении неоднократно заявляется о пальме первенства Одессы. Футбол возник здесь раньше, чем во всей империи (в том числе в Санкт-Петербурге и Москве). И причина этому – исключительность Одессы как портового города с его международными контактами.

В 1877 году в город переехала Керченская индоевропейская контора телеграфа, в которой работало много британцев. В 1878 году они образовали Одесский британский атлетический клуб (ОБАК), где среди прочих спортивных состязаний культивировалась и игра в футбол. Играли они на поле, которое располагалось в районе Малофонтанской дороги, недалеко от берега моря. ОБАК долгое время состоял исключительно из одних англичан и помимо матчей между собой проводил ежегодные встречи с футболистами румынского города Галац... Одессу можно считать и пионером футбола во всей Российской Империи. В ее столицу Санкт-Петербург игра в мяч ногами пришла на год позже – в 1879-м... В 90-е годы XIX века футбол появился и в Москве².

О первых шагах одесского футбола говорит и Катаев в автобиографической книге „Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона”. Описывая события из своего детства на рубеже веков, он отмечает:

футбол появился лет двадцать или тридцать назад в Англии и только сейчас начинал входить у нас в моду. Я знал о нем лишь то, что бьют ногами по большому кожаному мячу и существуют особые футбольные команды, как, например, в нашем городе команда ОБАК, то есть Одесского Британского

¹ Л. Утесов, *Спасибо, сердце!* Воспоминания, встречи, раздумья, Москва 1976, s. 49.

² Футбол в юго-западной части Российской Империи. *Ел. ресурс:* <http://www.kopanyimych.info/index.aspx?page=history01> [dostęp: 10.07.2020 r.].

атлетического клуба, составленная из англичан, проживающих в нашем городе. До меня доходили слухи, что там есть какие-то знаменитые игроки Джекобс и Бейт. В особенности прославился Бейт изобретенным им ударом пяткой по мячу через голову, так что этот удар получил название „бейт”.

„Он дал знаменитого бейта!”

Некоторые мои товарищи даже побывали на футбольном поле англичан, где-то за Малым Фонтаном, и собственными глазами видели, как быстро бегают Джекобс и как громадный, тяжелый Бейт „дает мяча сзади через голову”.

Микроб футбола уже носился в воздухе, и я почувствовал страстное желание сделаться футболистом и давать через голову „бейта”³.

То, что футбол изначально воспринимался как исконно британский вид спорта, Катаев свидетельствует и в другом автобиографическом тексте („Почти дневник”): „Матросы громко ржали, непринужденно переговаривались между собою в строю и кидали лошадиными голенастыми ногами футбольный мяч, эту национальную принадлежность каждой английской военной части”⁴. Фактически близнечный текст мы обнаружим в раннем катаевском рассказе „В осажденном городе” (1920), в первой же фразе которого упомянуты „веселые патрули английской морской пехоты, кидавшие футбольный мяч голенастыми лошадиными ногами на цветочных углах и вылощенных площадях”⁵. Конгениальный образ встречается и в рассказе Катаева „Раб” (1927): „По улице маршировали патрули британской морской пехоты. Матросы... на ходу кидали лошадиными голенастыми ногами футбольный мяч”⁶.

Зачастую создатели одесского мифа о рождении футбола – не только летописцы, но и непосредственные участники событий. „Десяти лет я уже гонял футбольный мяч и был центрофорвардом файговской команды, – вспоминает Леонид Утесов. – Нашими противниками были команды реального училища и гимназии. Мы все имели свою спортивную форму”⁷.

³ В. Катаев, *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 8, Москва 1985, s. 215-216.

⁴ Tegoż, *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 10, Москва 1986, s. 275.

⁵ Tegoż, *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 1, Москва 1983, s. 127.

⁶ Tamże, s. 311.

⁷ Л. Утесов, *Спасибо, сердце!*, dz. cyt., s. 49.

Катаев в „Разбитой жизни” также приводит воспоминание о своем детском футбольном опыте. Правда, в отличие от Утесова, со спортивной формой у него произошел конфуз, а приглашенный на тренировку и назначенный хавбеком маленький Валентин не имел ни малейшего понятия о самой игре. Вследствие этого его первый футбольный опыт был совершенно неудачным:

Я хотел расспросить его, в чем заключается игра, что такое хавбек и куда надо бить мяч, но он уже отбежал от меня вихляющей рысью, со старой фуражкой на затылке, со свистком в слюнявом рту: оказывается, как я впоследствии узнал, он был рефери, то есть, как теперь говорят, судья, и часто свистел в свой металлический разнотонный свисток, то и дело останавливая игру и делая футболистам непонятные мне замечания.

Иногда возле меня катился мяч, и тогда все вокруг кричали хором:

– Бей! Чего ж ты не бьешь! Мазила!

Но так как я решительно не понимал, куда надо бить, и чувствовал себя как бы связанным в своем несуразном костюме, то все мое двухчасовое пребывание на пустыре в клубах жаркой пыли превратилось в подлинную пытку.

Несколько раз, впрочем, мне удалось ударить по твердому, как камень, мячу, но мяч под общий смех отлетал куда-то в сторону, и носок моего ботинка лопнул по шву. Раза два на меня налетали футболисты и сбивали с ног, так что я весь вывалился в пыли и мои черные штаны казались от пыли бархатными, а полосатая тельняшка еще потела под мышками и даже на спине.

...На другой день, получив от папы решительный отказ купить мне футбольный костюм, с настоящими футбольными бутсами и настоящими футбольными чулками, поверх которых иногда привязывались еще специальные щитки – шингардты, – что все вместе стоило бешеных денег – рублей восемь! – я поймал на большой перемене семиклассника и попросил его вычеркнуть меня из списка футбольной команды и вернуть мой полтинник.

Из списка семиклассник меня тут же вычеркнул, посплюнув анилиновый карандаш, оставивший на его губах лиловые пятна, а полтинник, косо глядя мимо меня куда-то вдаль воспаленными узкими глазами, обещал вернуть на днях.

Eugene Vasilyev, *"Football is more than a game". The football myth of Odessa in literature...*

Сказав это, он удалился своей развинченной походкой, без пояса, который он опять где-то вчера забыл. Нечего и говорить, что своего полтинника я так никогда и не получил, а от первой моей игры в футбол на всю жизнь сохранилось впечатление густых, многослойных клубов сентябрьской пыли, сквозь которые горело над крышами Французского бульвара жаркое, лучистое, нестерпимо оранжевое солнце.

Мы тогда еще не знали, что в футбол надо играть на зеленом лугу; даже английские футболисты из клуба ОБАК играли где-то в районе Малого Фонтана на пыльной площадке, лишенной растительности. В нашем городе вообще плохо росла трава и уже в конце весны выгорала.

Больше всего в этой игре мне понравилось, как надувают толстый кожаный мяч. Его надували велосипедной помпой, и упругие звуки надувания волновали меня. А потом надутый мяч, который крепко пах хорошей английской кожей, зашнуровывали тонким ремешком, как ботинок, и он особенно звенел от удара ногой.

А в общем, футболиста из меня не вышло⁸.

Куда более успешным участие в рождении игры представлено у Юрия Олеши в „Книге прощания”:

... я видел первые футбольные матчи. Это было в Одессе, когда я был гимназист класса примерно четвертого – нет, поточнее – шестого, седьмого.

Матчи происходили на импровизированных полях. Просто широкое плоское поле, ограниченное с длинных сторон скамьями, на которых сидели зрители, а с широких – воротами противников, называвшихся тогда голами. <...> Футбол только начинался. Считалось, что это детская забава. Взрослые не посещали футбольных матчей. Только изредка можно было увидеть какого-нибудь господина с зонтиком, и без того уже известного всему городу оригинала. Трибун не было. Какие там трибуны! Само поле не было оборудованным – могло оказаться горбатым, поросшим среди травы полевыми цветами... По бокам стояли скамьи без спинок, просто обыкновенные деревянные плоские скамьи. Большинство зрителей стояло

⁸ В. Катаев, *Собрание сочинений в 10 т.* Т.8, dz. cyt., s. 218-219.

Eugene Vasilyev, *“Football is more than a game”. The football myth of Odessa in literature...*

или, особенно по ту сторону ворот, сидело. И что за зрители! Повторяю, мальчики, подростки. Тем не менее команды выступали в цветах своих клубов, тем не менее разыгрывался календарь игр, тем не менее выпускались иногда даже афиши.

Могу сказать, что видел зарю футбола. Мы, гимназисты, шли по Французскому бульвару и сворачивали в переулок, где виднелась вдаль воздвигнутая с целью рекламы гигантская бутылка шампанского...<...>

Мои взрослые не понимали, что это, собственно, такое, этот футбол, на который я уходил каждую субботу и каждое воскресенье.

Играют в мяч... Ногами? Как это – ногами?

Игра эта представлялась зрителям неэстетической – почти хулиганством: мало ли чего придет в голову плохим ученикам, уличным мальчишкам! <...>

Во время Олимпийских игр Одесского учебного округа состоялся, между другими состязаниями, также и финальный матч на первенство футбольных гимназических команд, в котором принял участие и я как один из одиннадцати вышедших в финал одесской Ришельевской гимназии.

Я играл крайнего правого. Я загнал гол – один из шести, вбитых нами Одесской 4-й гимназии, также вышедшей в финал. После матча меня качали выбежавшие на поле гимназисты разных гимназий. Как видно, моя игра понравилась зрителям. Я был в белом – белые трусы, белая майка. Также и бутсы были белые при черных, с зеленым бубликом вокруг икры, чулках⁹.

Любопытно, что в футбольном тексте Михаила Жванецкого „Болеем, болеем” – монологе бывшего футболиста, который блистательно исполнил Роман Карцев, начиная его изрядной долей собственного текста, как будто содержится ироническая отсылка к этой белизне, описанной Олешей. Вспоминая о своей игре в юности, он с гордостью говорит: „Я был самый грязный”.

Отголоски идиллической одесской зари футбола обнаруживаем и в романе И. Ильфа и Е. Петрова „Золотой теленок”. Изображая

⁹ Ю. Олеша, *Книга прощания*, Москва 1999. *Ел. ресурс*: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1031608> [dostęp: 10.07.2020 r.].

Eugene Vasilyev, *"Football is more than a game". The football myth of Odessa in literature...*

Черноморск 1930 г., авторы несомненно прибегают к ностальгическим воспоминаниям футбольной одесской юности: „По вечерам со спортивных полей возвращались потные счастливые футболисты. За ними, подымая пыль, бежали мальчики. Они показывали пальцами на знаменитого голкипера, а иногда даже подымали его на плечи и с уважением несли”¹⁰.

Большое место в одесской футбольной мифологии занимают **мифы о героях**. Самое заметное место в одесской героической футбольной мифологии занимают мифы о выдающихся **одесских футболистах**. Последние становятся объектом мифологизации еще на заре одесского футбола. Футболисты Одессы начала XX века предстают в стихотворении Александра Кранцфельда „Футбол”:

Здесь все в экстазе, здесь все в горении:
„Поддай-ка Джекобс! Ура, Дыхно!...”¹¹.

Наряду с Кранцфельдом и Катаевым, англичанина Джекобса также вспоминает Сергей Бондарин „...румяный англичанин во фланелевом костюме мистер Джекобс из команды одесского Британского атлетического клуба”¹².

Одним из главных героев „зари футбола” был Богемский. Валентин Катаев посвящает ему колоритное описание в книге „Алмазный мой венец”. Вспоминая о рядовом гимназическом футбольном матче, он пишет:

футбольная площадка, лишенная травяного покрова, где в клубах пыли центрфорвард подал мяч на край, умело подхваченный крайним левым. Крайний левый перекинул мяч с одной ноги на другую и ринулся вперед – маленький, коренастый, в серой форменной куртке Ришельевской гимназии, без пояса, нос башмаком, волосы, упавшие на лоб, брюки по колено в пыли, потный, вдохновенный, косо летящий, как яхта на крутом

¹⁰ И. Ильф, Е. Петров, *Собрание сочинений в пяти томах*. Т. 2, Москва 1961, s. 271.

¹¹ О. Лекманов, М. Свердлов, А. Ахмальдинова, „*Ликует форвард на бегу...*” *Футбол в русской и советской поэзии 1910–1950 годов*, Москва 2016, s. 30.

¹² С. Бондарин, *На берегах и в море. Повести. Рассказы. Записки*, Москва 1981, s. 529.

Eugene Vasilyev, *“Football is more than a game”. The football myth of Odessa in literature...*

повороте. С поворота он бьет старым, плохо зашнурованным ботинком. Мяч влетает мимо падающего голкипера в ворота. Ворота – два столба с верхней перекладиной, без сетки. Продолжая по инерции мчаться вперед, маленький ришельевец победоносно смотрит на зрителей и кричит на всю площадку, хлопая в ладоши самому себе:

– Браво, я!

(Вроде Пушкина, закончившего „Бориса Годунова”. Ай да Пушкин, ай да сукин сын!).

Именно этот „тощий, золотушного вида ришельевец в пенсне на маленьком носике”, будущая мировая знаменитость, центрфорвард сборной команды России, как сказали бы теперь – „нападающий века”, „суперстар” мирового футбола, Богемский. Но тогда он был лишь старшеклассником и, надо сказать, прескверным учеником с порочной улыбочкой на малокровном лице.

Его имя до сих пор легенда футбола¹³.

Несколько схожий взгляд на Богемского содержится и у Олеши. То же удивление „негероической” внешности футболиста, которая в его изображении, а особенно в катаевском скорее демифологизирует героя, но безусловно взгляд Олеши полон явного восхищения, а вместе с этим – поэтизации, героизации:

Самое удивительное – это всегда меня удивляет, когда я вижу Богемского или о нем думаю, – это то, что он не смуглый, не твердолицый, а наоборот, скорее рыхловатой наружности, во всяком случае он розовый, с кольцами желтоватых волос на лбу, с трудно замечаемыми глазами. Иногда на них даже блестят два кружочка пенсне! И подумать только: этот человек с неспортсменской наружностью – такой замечательный спортсмен! Уже помимо того, что он чемпион бега на сто метров, чемпион прыжков в высоту и прыжков с шестом, он еще на футбольном поле совершает то, что сделалось легендой. И не только в Одессе – в Петербурге, в Швеции, в Норвегии! Во-первых, – бег, во-вторых, – удар, в-третьих, – умение водить... Такой игры я впоследствии не видел. Я не говорю о качестве,

¹³ В. Катаев, *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 7, Москва 1984, s. 9-10.

Eugene Vasilyev, *"Football is more than a game". The football myth of Odessa in literature...*

о результативности – я говорю о стиле. Это был, говоря парадоксально, не бегущий форвард, а стелющийся... Богемский бежал – лежал¹⁴.

Традиция к дегероизации героев одесского футбола сохраняется и в современной литературе. Наиболее яркий пример – вышеупомянутый монолог Жванецкого-Карцева. Обращаясь к юному условному собеседнику («пацан»), герой Карцева вспоминает великих одесских игроков. В его монологе фигурируют имена, фамилии и прозвища реальных и в то же время легендарных еще при жизни футболистов Одессы: Фурс, Хижняков, Дубина-Двоенков, Манечка. Сам Карцев впоследствии комментировал совершенно, казалось бы, фантастические реалии исполняемого им монолога, например о том, что в Одессе играл единственный в мире глухонемой:

В моем монологе есть еще воспоминание о нападающем Журавском, играл в Одессе такой глухонемой в „Черноморце“. И вот я рассказываю, какой это был потрясающий игрок: каждые пять минут он забивал свой гол. Потому что не слышал судейского свистка. Все слышали и останавливались, а он – нет. И забивал... Был еще знаменитый футболист Манечка (это кличка, фамилии не помню). Он был малюсенький, примерно такой же, как и я, и почему-то всю игру не вылезал из офсайда. И пошла в Одессе такая шутка, что Манечка написал книгу под названием „25 лет в офсайде“¹⁵. ... Или взять одессита Котю Фурса. Он обладал просто сумасшедшим рывком и не уходил без гола. Вся Одесса перед игрой не спала, а потом шла на него смотреть. Он играл рядом с Двоенковым, огромным сибиряком. Если он подходил к воротам и бил с правой – все, вратарю крышка. Никакой «воротчик» не мог удержать мяч, удар был сумасшедший. Так они и играли – Котя маленький такой, а Двоенков – здоровый, как медведь¹⁶.

¹⁴ Ю. Олеша, *Книга прощания*, dz. cyt.

¹⁵ По другому варианту, содержащемуся в другом тексте Карцева, Манечка написал книгу „Двадцать лет в офсайде и десять лет в запасе“ – так о нем шутили!, <http://odesskiy.com/futbolnaya-odessa/roman-kartsev-futbol-v-odesse.htm.l> [dostęp: 10.07.2020 r.].

¹⁶ Р. Карцев, *Футбол – моя первая любовь!* Ел. пецыпс: <http://odesskiy.com/futbolnaya-odessa/roman-kartsev-futbol-moja-pervaja-ljubov.html> [dostęp: 10.07.2020 r.].

Eugene Vasilyev, "Football is more than a game". *The football myth of Odessa in literature...*

Тот же Карцев вспоминает (правда не в монологе, а в одном из интервью) еще одного легендарного одесского игрока послевоенной поры: „кумиром футбольной детворы был, конечно, Злочевский. О нем ходило немало легенд, например, что на левой ноге у него татуировка: «Не бить! Смертельно!»»¹⁷.

Как видим, одесский футбольный миф (в том числе о героях) наполнен специфическим для одесской литературы в целом *юмором*, по большей части теплым. Ирония снимает мифотворческий пафос, который тем не менее встречается и в чистом виде.

Так, например, в одесском футбольном тексте и сама игра, и игроки соотносятся с *древними греками и римлянами*. Например, в стихотворении 1913 г. А. Барановский любит „отроками”, играющими в футбол, сопоставляя их с римскими атлетами:

Так отроки милы,
Когда в пыли
Под зноем
Несутся роем
И мчит, как конь,
Их молодой огонь!
Забыв и „Ять” „Колы” и „Пять”,
Восторженно они сияют,
Пред зрителем мелькают
То сине-белым,
То ярко-красным
Одежды цветом...
Тогда приветом Дальним Рима
Их бега кажется картина...¹⁸

А. Кранцфельд в своем стихотворении того же года приравнивает игроков к грекам:

¹⁷ Там же.

¹⁸ О. Лекманов, М. Свердлов, А. Ахмальдинова, dz. cyt., s. 29.

Eugene Vasilyev, "Football is more than a game". *The football myth of Odessa in literature...*

Вся в бирюзовой оправе зелень.
В прозрачный купол уходит мяч.
Над мягким полем, где ожил эллин,
К мячу так близко летает грач¹⁹.

И даже иронический текст о футболе М. Жванецкого содержит отсылку к античной мифологии: „Ну, что, скоро сезон, побежим на стадион. Мы, как древние греки, черпаем силу с поля”²⁰.

Таким образом одесская футбольная мифология нередко наследует черты античной.

Для мифологии Одессы характерно и то, что героями являются не только футболисты, но и **зрители**. В стихотворении 1913 г. „Футбол” одессит Александр Кранцфельд стереоскопично изображает и тех, и других (в поэзии последующих лет о футболе это станет правилом):

Тела упруги, движенья быстры,
В порывах мощных поет весна.
И каждый возглас, как будто выстрел.
Толпа трепещет, толпа пьяна <...>

Толпа рокошет, залита солнцем,
Звонят удары могучих тел.
Улыбки женщин горят червонцем
Тому, кто молод, красив и смел...²¹.

В особенности мифологизируются в одесском футбольном тексте знаменитые одесские **болельщики**. „Кто сегодня помнит великих болельщиков? Юру Луну, который знал о спорте все, безногого чистильщика обуви у кинотеатра им. Максима Горького Ваню Воробьева, участ-

¹⁹ Там же, s. 30.

²⁰ М. Жванецкий, *Болеем, болем*. Ел. pecypc: <http://odesskiy.com/zhvanetskiy-tom-2/boleem-bolem.html> [dostęp: 10.07.2020 r.].

²¹ О. Лекманов, М. Свердлов, А. Ахмальдинова, dz. cyt., s. 29-30.

Eugene Vasilyev, *“Football is more than a game”. The football myth of Odessa in literature...*

ника съемок на лестнице в фильме «Броненосец Потемкин», **короля болельщиков – Исаака Гроссмана**”²².

Действительно, Гроссман занимает наиболее почетное место в пантеоне одесских болельщиков:

О, это был великий одесский болельщик, – с восхищением говорит о нем Роман Карцев, изображающий Гроссмана и в своем монологе. – Нет, даже не болельщик, не фанат – он был знаток! Ходили о нем легенды. Говорили, что до войны он возил команду за свой счет. Маленький, толстенький, со слезящимися глазами... Он говорил:

„Я уже дал установку на игру, объявил состав”, – и, конечно, когда команда выходила на поле, все было наоборот, но он это объяснял хитростью тренера. У него было постоянное место на все матчи. И когда Котя Фурс обходил Рябова из московского „Динамо” и забивал Яшину гол, Гроссман вскакивал на скамейку и кричал: „Котя, моя семья признала тебя лучшим игроком мира”²³.

Вспоминают реакцию Гроссмана на красивую игру «Черноморца»: «Проверьте у них паспорта, это переодетые бразильцы». А когда на собрании болельщиков им пытались внушить, что не надо кричать и свистеть... Гроссман попросил слова: „Как я могу не кричать, когда мы ведем 1:0, Котя уже забил гол и больше забивать не будет, а до конца игры 80 минут? Откуда слово „болельщик”? – у него болит, поэтому он и кричит”²⁴.

Мифологизации одесских болельщиков не произошло бы без мифа **о футбольной Одессе в целом**, о ее необычайной футбольной атмосфере, истинных, хотя и безвозвратно ушедших в прошлое **знатоках** футбола.

Для меня футбол начался после войны, в сорок шестом – сорок седьмом годах. Тогда играли во всех дворах, парках, на заброшенных стадионах.

²² В. Брамбилла, *Исаак Гроссман – признанный король болельщиков Одессы*. Ел. ресурс: <http://odesskiy.com/futbolnaya-odessa/isaak-grossman-priznannyj-korol-bolelschikov-odessy.html> [dostęp: 10.07.2020 r.].

²³ Р. Карцев, *Футбол в Одессе*. Ел. ресурс: <http://odesskiy.com/futbolnaya-odessa/roman-kartsev-futbol-v-odesse.html> [dostęp: 10.07.2020 r.].

²⁴ В. Брамбилла, *Исаак Гроссман – признанный король болельщиков Одессы*, dz. cyt.

Eugene Vasilyev, *"Football is more than a game". The football myth of Odessa in literature...*

Крики, драки, ругань, разбитые окна, – но это позже, когда появились кирзовые мячи, которые калечили ноги, а если попадали в голову – отбивали мозги. А вначале играли тряпочными мячами. Набивали в чулок тряпки или опилки. Играли часами! По восемь – десять часов подряд. Затем у крана во дворе образовывалась очередь, долго пили воду, живот надувался, как пузырь, на лице пот, грязь – и так до следующего дня²⁵.

Эти воспоминания принадлежат Р. Карцеву. Он же описывает легендарное место собраний одесских болельщиков – Соборную площадь.

Медленно, не спеша, мы приходили на Соборную площадь, где собирались фанаты из фанатов. Старики, дети, женщины, семечки, шутки, напряжение, ожидание... Споры были без ожесточения. И, когда я сейчас смотрю футбол и вижу этих фанатов – орущих, дерущихся, организованных, в крови, в одинаковых шарфах, может быть, я не прав, но, по мне, это не фанаты – это фанатики, они ничего не смыслят в футболе, они пришли поорать. Выпустить пар. Так сиди дома и выпускай! Настоящий болельщик молчалив. У него все внутри. Он не стучит в барабан. Он не красит волосы под цвет. Он любит футбол! Он его понимает²⁶.

В другом своем тексте Карцев также ностальгически вспоминает старую Одессу, которая полностью жила футболом, и футбольных знатоков, собиравшихся на Соборной площади:

Футбол в городе – это было все. Битком набитые трибуны, семечки, креветки, – рачками они у нас назывались. Набивали полные карманы семечек, и рука у каждого только и ходила – туда-сюда, вниз-вверх. На Соборной площади с утра собирались фанаты, обсуждали составы команд, достоинства и недостатки игроков. Это было жутко интересно! Туда можно было ходить и записывать этот одесский словесный колорит. Бог мой, как они тогда ругались!.. В спектакле „Моя Одесса” у меня есть монолог футболиста с Соборной площади. Сейчас в Одессе все уже не так. Нет толпы. Есть

²⁵ Р. Карцев, *Футбол в Одессе*, dz. cyt.

²⁶ Там же.

Eugene Vasilyev, *“Football is more than a game”. The football myth of Odessa in literature...*

группка людей – „пикейных жилетов”, которые болтают больше „за жизнь”: о долларах, о ценах на квартиры, черт знает о чем...²⁷.

Футбольным болельщикам, „ревнителям футбола”, посвящен фельетон И. Ильфа и Е. Петрова „Любители футбола” (1931). И хотя в нем предстают приметы Москвы, где уже много лет проживали соавторы (стадион „Динамо”, Страстная площадь, Тверская улица и др.), не исключено, что и одесские футбольные впечатления их детства и юности также отобразились в этом тексте. В ряде футбольных зарисовок Ильфа и Петрова чувствуется южный одесский колорит:

Положение обыкновенных граждан в такой день [день игры – Е.В.] ужасно. Все пути сообщения заняты любителями. Размахивая руками и громко делясь догадками насчет предстоящей игры, они захватывают вагоны, мостовые, тротуары, окружают одиночные такси и с молящими лицами просят шофера отвезти их на стадион, просят как нищие, со слезами на глазах²⁸.

В мифологию футбольной Одессы входит и *миф о стадионе*, некоем сакральном локусе, центре, храме игры. **18 мая 1936 года состоялось торжественное открытие „Стадиона у моря”, на котором** присутствовали Первый Секретарь ЦК Компартии Украины Косиор (вскоре расстрелянный) и Первый Секретарь Комсомола Украины Андреев. Юрий Олеша написал по этому случаю статью „Стадион в Одессе”. По словам нидерландского исследователя мифа Одессы Яна Паула Хинрика, написана она „очень шаблонно” и восхваляет „социалистическое строительство”²⁹. Однако, несмотря на это, в тексте Олеши нельзя не увидеть и явные черты мифологизации официального события и сакрализации стадиона:

Этот стадион так похож на мечту – и вместе с тем так реален. Тридцать пять тысяч мест. Его выстроили трудящиеся Одессы на том месте, где были ямы,

²⁷ Там же.

²⁸ И. Ильф, Е. Петров, *Собрание сочинений в пяти томах*, dz. cyt., s. 513.

²⁹ Я. П. Хинрик, *Миф Одессы*. Очерки, Одесса 2012, s. 164.

Eugene Vasilyev, *"Football is more than a game". The football myth of Odessa in literature...*

поросшие бурьяном и куриной слепотой. Этим видом можно любоваться часами. В сознании рождается чувство эпоса. Говоришь себе: это уже есть, существует, длится. Существует государство, страна социализма, наша родина, ее стиль, ее красота, ее повседневность, ее великолепные реальности³⁰.

Любопытно, что с открытием одесского стадиона связан и очередной миф о „короле болельщиков”:

Гроссман прийти не смог – за день до этого его забрали в НКВД. Вернулся домой поздно вечером чернее тучи – пришлось дать расписку с обязательством не идти на стадион. Компетентные органы не могли допустить, чтобы он своими „штуками” отвлекал 22 тысячи советских людей, которые, конечно же, мечтают смотреть на т. Косиора и т. Андреева, а не на какого-то там Гроссмана³¹.

То, что вся Одесса жила футболом, подтверждают и непосредственные газетные отклики. В 1922 году „Известия спорта” писали: „Спортивная жизнь Одессы, никогда не отличавшаяся разнообразием, не испытывает особого подъема и теперь. По инерции продолжается лишь жизнь футбольных полей – единственных интересующих спортивную и неспортивную одесскую публику”³². В это же время, в десятилетие утверждения популярности футбола в Одессе, в публикации в „Красном спорте” отмечалось: „Футбольный мир Одессы в грубости и дикости никому не уступит. Но положение еще осложняется тем, что футбольная „публика” в Одессе, на местном жаргоне „болеищики”, чрезвычайно патриотична, темпераментна и в своем азарте готова буквально на все”³³. Художественным свидетельством жарких баталий не только на поле, но

³⁰ Ю. Олеша, *Повести и рассказы*, Москва 1965, s. 352.

³¹ В. Брамбилла, *Исаак Гроссман – признанный король болельщиков Одессы*, dz. cyt.

³² А. Акмальдинова, О. Лекманов, М. Свердлов, *Советская и эмигрантская поэзия 1920-х годов о футболе*, „Новое литературное обозрение” 2015, № 3. Ел. ресурс: http://magazines.russ.ru/nlo/2015/3/11a.html#_ftn63 [dostęp: 10.07.2020 r.].

³³ Тамże.

Eugene Vasilyev, *“Football is more than a game”. The football myth of Odessa in literature...*

и на одесском стадионе является фрагмент рассказа Катаева „Отче наш” (1946). В нем описано, как герои посетили в Одессе футбольный матч, окончившийся победой одесситов над харьковчанами: „Боже мой, что делалось на этом громадном, новом стадионе над морем! Крики, вопли, драка, пыль столбом!”³⁴.

В одесской футбольной мифологии безусловно присутствует и миф о **соперниках**. Характерно в этом смысле стихотворение Эдуарда Багрицкого „Футбол” (1923):

Осенний ветер несется в лица,
Шумят кусты, гудит ковыль,
И взбудораженная пыль
Под бегом легких ног клубится.

Там юноша несется вскачь,
И ветер кудри развевает, –
Он воздухом набухший мяч
Ногой уверенной толкает³⁵.

Авторы исследования о футболе в советской и эмигрантской поэзии 1920-х годов А. Акмальдинова, О. Лекманов и М. Свердлов именуют этот поэтический текст Багрицкого „пропагандистской футбольной одой”³⁶. Ведь начиная с динамичного изображения футбольного матча, поэт экстраполирует спортивную баталию на возможную политическую. Игра со спортивным соперником, когда вратарь отчаянно защищает свои ворота, наталкивает поэта на размышление о столкновении с реальным врагом:

Не так ли мы стоим упорно
И защищаем ворота, –
Клубится сумрак ночи черной
И наползает темнота.

³⁴ В. Катаев, *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 1, Москва 1983, s. 439.

³⁵ А. Акмальдинова, О. Лекманов, М. Свердлов, dz. cyt.

³⁶ Tamże.

И дикая гогочет стая
Врагов, несущихся вразброд, –
И мяч, звеня и завывая,
То полетит, то упадет³⁷.

И вот уже не спортивные соперники, а „враги несутся в поле диком”, „Но пенясь мощью неумейной, Но устремив глаза вперед, – Неколебимой и огромной Россия встала у ворот”³⁸. Завершаются эти поначалу чисто футбольные, а затем идеологически выверенные строки с самим же лирическим героем сконструированным образом врага горячечной клятвой:

Пусть мы изнемогли в работе,
Пусть ночь глядит из-за угла, –
Вы никогда нам не вобьете,
Враги, ни одного гола³⁹.

К счастью, чаще всего в одесских футбольных текстах среди традиционных и „главных соперников” (по словам Романа Карцева) мы видим не вымышленных классовых и прочих врагов, а соседей – футболистов из Николаева и Кишинева. Важным соперником Одессы предстает Киев – прежде всего по той причине, что главная украинская команда „Динамо” приглашала к себе наиболее талантливых одесских игроков. „А скольких игроков она [Одесса – Е. В.] дала Киеву!...” – говорит Карцев. Среди них можно вспомнить хотя бы Валерия Лобановского и Леонида Буряка. Отметим, что здесь можно провести параллель с одесским мифом об эмиграции, в особенности связанный с литературной эмиграцией целой блестящей плеяды писателей-одесситов в 1920-е годы (Катаев, Олеша, Бабель, Багрицкий, Ильф, Петров, Инбер, Бондарин и др.).

При этом Киев в одесском футбольном мифе всегда находится на более высоком уровне, чем местные команды. Характерными являются

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

пассажи из монолога Жванецкого-Карцева: „Когда они [одесситы – Е.В.] почему-то [выделено нами – Е. В.] выиграли у Киева, у Гроссмана не выдержали нервы”. В этом же тексте исключительная победа полубогов над богами воспринимается как важнейшая точка отсчета: „Когда Одесса впервые выиграла у Киева, у меня родился ребенок”. И эта разница в уровнях позволяла одесситам болеть и за киевское „Динамо”: „Вся Одесса болела за киевское «Динамо». Конечно, после «Пищевика» – так называлась тогда одесская команда”, – вспоминает Карцев⁴⁰. Он же свидетельствует, что „все время болел за две команды – Киевское «Динамо» и одесский «Пищевик»”⁴¹.

Не менее интересен и одесский *миф о внутреннем соперничестве*, своеобразная *война старых и новых богов*. „Кто сегодня поверит, что в 1959–1961 годах борьба между «Черноморцем» под руководством Анатолия Зубрицкого и «СКА» Сергея Шапошникова настолько захватила Одессу, включая людей, никогда не ходивших на стадион, что он оказался разделенным на два лагеря?”⁴². Это же подтверждают и яркие воспоминания Романа Карцева: „Была в моем городе и еще одна сильная команда – ОДО, потом СКА – «мобутовцы», как их называли поклонники «Черноморца». Мобуту был известен тогда как враг конголезского народа. А болельщики ОДО называли «Черноморец» «утопленником». Ох, какая эта была принципиальная борьба!”⁴³. В современной терминологии это соперничество именуется одесским футбольным дерби. А первый матч между Черноморцем и СКА состоялся 3 июня 1959 г. и завершился победой „старых богов” (единственный мяч тогда забил легендарный Константин Фурс).

С культурным и религиозным плюрализмом и толерантностью одесского текста в целом связан и *миф о мультикультурализме одесского футбола*. Анатолий Контуш приводит показательную кричалку фанатов

⁴⁰ Р. Карцев, *Футбол в Одессе*, dz. cyt.

⁴¹ Тегоž, *Футбол – моя первая любовь!*, dz. cyt.

⁴² В. Брамбилла, *Исаак Гроссман – признанный король болельщиков Одессы*. Ел. ресурс: <http://odesskiy.com/futbolnaya-odessa/isaak-grossman-priznannyj-korol-bolelschikov-odessy.html>.

⁴³ Р. Карцев, *Футбол – моя первая любовь!*, dz. cyt.

Eugene Vasilyev, *“Football is more than a game”. The football myth of Odessa in literature...*

„Черноморца”: „И еврей, и финн, и горец очень любят «Черноморец»!»⁴⁴ [15]. Он же вспоминает одесского футболиста Виктора Ройтмана:

...в старшее время у нас тоже были мастера устроить инфаркт половине стадиона. Вот, например, Витя Ройтман. Вы помните Витю Ройтмана? Это же легенда одесского футбола! Он играл за „Пищевик” до шестьдесят второго года... Конечно, еврейский футболист – это такое же счастье в доме, как и русский ребе. Но зато у Вити был сумасшедший удар, которым он мог попасть куда угодно, но только не туда, куда надо⁴⁵. [15].

Михаил Жванецкий в своем футбольном рассказе „Обиженные Родиной” приравнивает, а тем самым сближает разные народы в их футбольных неудачах: „Есть два братских народа – русские и евреи, объединенные одним горем, у них футбол не идет. Причем, как показала практика, сколько ни плати – не идет”⁴⁶. В целом же можно констатировать, что футбол в Одессе больше, чем футбол: „Мы думали, что это игра. Это и есть игра, если бы не было сборных стран. Это разновидность войны...”⁴⁷. „Футбол – это больше чем игра. Футбол – это там и тут. И страна с футболом, экономикой и культурой поднимется вместе”⁴⁸.

С футболом не только как просто с игрой, но и как символом мира, дружбы и свободы связан один из самых примечательных одесских текстов в литературе XX века – повесть Александра Козачинского „Зеленый фургон”. В ней романтические антиподы – бывший гимназист, а ныне (действие происходит летом 1920 г.) начальник местечковой севериновской милиции Володя Патрикеев и вор-конокрад Красавчик – были знакомы по выступлениям за разные одесские команды. Володя был левым инсайтом гимназической команды „Азовское море”, Красавчик – голкипером „Черного моря” (напомним, что прототипом Красавчика был

⁴⁴ А. Кошгун, *«Легенды одесского футбола», или Спор одесских фанатов*. Ел. ресурс: <http://odesskiy.com/futbolnaya-odessa/legendy-odesskogo-futbola-ili-spor-odesskih-fanatov.html> [dostęp: 10.07.2020 r.].

⁴⁵ Тамże.

⁴⁶ И. Ильф, Е. Петров, *Собрание сочинений в пяти томах*. Т. 2., dz. cyt., s. 513.

⁴⁷ Тамże.

⁴⁸ Тамże.

Eugene Vasilyev, *“Football is more than a game”. The football myth of Odessa in literature...*

сам Козачинский, а прототипом Володи Патрикеева – Евгений Катаев, будущий писатель и соавтор Ильи Ильфа). Писатель объясняет происхождение названий двух команд, воспроизводя эпоху той же „зари футбола” в Одессе, как и его литературные современники. Также Козачинский подчеркивает неравный статус команд, говоря современным языком, принадлежность к разным футбольным лигам:

„Черным морем” с незапамятных времен владела команда футболистов, именовавших себя черноморцами. Как футбольное поле „Черное море” было необыкновенно комфортабельным: окруженное пологими склонами, оно само возвращало игрокам мяч, вылетевший за его пределы. В команде черноморцев играли портовые парни, молодые рыбаки с Ланжерона и жители старой таможни. Они выходили на поле в полосатых матросских тельниках и длинных, достигавших колен, старомодных трусиках, которые, впрочем, назывались тогда в Одессе не трусиками, а штанчиками. В своем натиске черноморцы не знали преград. Свирепая слава, добытая ими на заре футбола, в боях с командами английских пароходов, устрашала футболистов других одесских команд. Никто из цивилизованных футболистов Одессы не решался ставить на карту спортивное счастье, здоровье, а может быть, и жизнь, защищая свои ворота против черноморцев. Поэтому с той поры, как в одесский порт перестали заходить английские пароходы, черноморцы играли главным образом друг с другом.

Володя был из „Азовского моря”. Рядом с „Черным морем” была яма поменьше, которую одесские мальчики называли „Азовским морем”. Здесь тренировалась команда гимназистов. Как это ни странно, черноморцы иногда приглашали на товарищеский матч команду из соседнего „моря” и гимназисты принимали вызов. Это была игра львов с котятками. Если гимназистам не откусывали в игре ни ног, ни голов, то они были обязаны этим той деликатности, которая присуща сильному в обращении со слабым и беспомощным⁴⁹.

В „Зеленом фургоне” содержится ряд примет футбола начала XX века, например, следующее описание: „Обычно ворота обозначались кучками

⁴⁹ А. Козачинский, *Зеленый фургон*. Ел. ресурс: http://az.lib.ru/k/kozachinskij_a_w/text_0010.shtml [dostęp: 10.07.2020 r.].

Eugene Vasilyev, *“Football is more than a game”. The football myth of Odessa in literature...*

одежды, сброшенной с себя футболистами перед игрой, и верхняя граница ворот являлась воображаемой; естественно, что, чем выше мог достать своей пятерней голкипер, тем спокойнее чувствовала себя команда”⁵⁰. Весьма важно, что в повести сама игра прочно ассоциируется с мирной довоенной жизнью:

Но уже давно не летал футбольный мяч над „Черным морем” и примыкающим к нему „Азовским”. Обезлюдело славное племя черноморцев, и некому было вспоминать о боях с командами английских пароходов. Раньше, когда старшие черноморцы уходили учиться в мореходку или поступали в торговый флот, их места в команде занимали молодые черноморцы, их младшие братья, ребята с Ланжерона, из старой таможни и портовых улиц, такие же загорелые и веснушчатые, такие же свирепые в нападении, защите и полузащите. Поколение футболистов становилось моряками, но за ними уже шло новое поколение футболистов, тоже будущих моряков⁵¹.

Военная же пора не просто не способствует футболу, но и совершенно губительна для него. „Война разбросала черноморцев, уничтожила футбол, мореходку и торговый флот. Опустело «Черное море». Засохшая грязь на дне его потрескалась и покрылась чешуйками, как кожа на руке старика”⁵². Да и судьбы многих футболистов во времена войны складываются трагически – они гибнут (а иные наверняка погибнут в будущих битвах) от рук противоборствующих сил:

От своего спутника Володя узнал о судьбе других черноморцев. Правый бек Зенчик, оказывается, стал петлюровцем, и его порубили белые. Правый хав Кирюша пошел к белым и его, наоборот, порубили петлюровцы. Капитан Ваня Поддувало сошелся с лезгинами из контрразведки генерала Гришина-Алмазова, шлялся по городу в черкеске и был убит темной ночью

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

Eugene Vasilyev, *"Football is more than a game". The football myth of Odessa in literature...*

на Ланжероне неизвестно кем. Зато вся пятерка нападения – пять молодых рыбаков дождались красных и пошли на Врангеля⁵³.

Примечательно и то, что лишь военное время дифференцировало игроков футбольных команд по социальному происхождению и политическим пристрастиям:

Раньше черноморцы делились только на беков, хавбеков и форвардов; казалось, что других различий между ними нет. Теперь, когда команда разделилась по-новому, когда одни стали белыми, другие красными, третьи жовтоблакитными, открылось то, что никогда раньше не было заметно на футбольном поле: что капитан Ваня Поддувало – сын богатого портового трактирщика, а форварды – бедные рыбацкие дети. И это определило их места на полях сражений⁵⁴.

Таким образом, война в одесской футбольной мифологии разрушает футбольную утопию, некий идиллический хронотоп, существующий в одесском тексте в целом, и выполняет функцию **эсхатологического мифа**.

Однако, даже в грозное военное лихолетье уже не столько сам футбол, сколько воспоминания⁵⁵, беседы⁵⁶ и дискуссии⁵⁷ о нем способны

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ „Однажды Володя дал очень красивый шут по воротам, в которых стоял черноморец: он взял мяч с воздуха на подъем и ударил шагов с двадцати; мяч пошел между двух беков, но, к сожалению, прямо в руки голкиперу. Кроме этого памятного шута, их ничто не связывало. Однако почтение, которое питали гимназисты к черноморцам, было таким глубоким и неизменным, что Володя, невзирая на свое солидное положение, увидев голкипера, ощутил подобоострастную радость котенка, повстречавшего доброго льва” – там же.

⁵⁶ „Беседа о футболе, однако, была очень приятной. То, что говорил один, редко совпадало с тем, что сообщал другой, ибо, как все люди, они лучше помнили собственный вымысел, чем действительные события. Но они выслушивали друг друга со снисходительной уступчивостью, ибо каждый из них интересовался не столько тем, что говорил другой, сколько тем, что собирался сказать сам. Каждый с нетерпением ожидал окончания речи собеседника, чтобы приступить к изложению собственного мнения; разговор напоминал игру в футбол, где один старается вырвать мяч у другого, чтобы ударить самому.

На Дерибасовской улице темой их разговора был шут Яшки Бейта, на Преображенской – бег Вальки Прокофьева, на Софиевской – вопрос об искусственном офсайте, доступный →

Eugene Vasilyev, *“Football is more than a game”. The football myth of Odessa in literature...*

породить подлинный диалог, сблизить вчерашних, пускай и неравных соперников: „Глаза их заблестели, когда они заговорили о футболе, ибо нет на свете таких болтунов, сплетников и фантазеров, как любители футбола. Они рылись в воспоминаниях, смаковали удары, осуждали и превозносили”⁵⁸.

Этот огромный диалогический потенциал футбольного мифа повести Козачинского прекрасно почувствовали создатели киноверсии „Зеленого фургона” 1983 г. (Одесская киностудия) – автор сценария Игорь Шевцов и режиссер Александр Павловский. Напомним о существовании более раннего фильма „Зеленый фургон” (1959) сценариста Григория Колтунова и режиссера Генриха Габая, в котором, впрочем, футбольная тема по сравнению с литературным текстом была значительно редуцирована, переименована и сводилась лишь к короткому „узнаванию”: Красавчик по прозвищу „Сережка-Пробей ворота” был хавбеком рыбацкой команды „Морской лев”, а Володя голкипером у гимназистов.

Футбольная тема, соединяющая и разъединяющая в картине 1983 г. Володю (Дмитрий Харатьян) и Красавчика (Александр Соловьев), является лейтмотивом картины. В фильме сохранены диалоги героев повести о футбольном прошлом, артикулированы мотивы футбола как идиллии, мирной жизни и дружбы (сбежавший из-под ареста Красавчик скрывается около бывшего футбольного поля; он же постоянно по-дружески передает своему неловкому сопернику потерянные им вещи, во время погони за ним самим; в фильме досочинен футбольный матч, в котором Володя и Красавчик вновь играют друг против друга и т.д.). С этой дружбой-соперничеством героев „Зеленого фургона” созвучны более поздние высказывания Миха-

→ пониманию только самых тонких знатоков. На Нарышкинском спуске они коснулись вопросов футбольной казуистики (как должен поступить рефери, если игрок возьмет мяч в зубы и внесет его в ворота?)” – tamże.

⁵⁷ „На Московской улице они заговорили о том, как мотается знаменитый форвард Богемский, и здесь в их взглядах неожиданно обнаружили столь крупные расхождения, что, при всей снисходительности друг к другу, они вступили в серьезный спор. Желание доказать свою правоту настолько овладело ими, что они решили наглядно продемонстрировать прием, послуживший причиной спора, и для этого, отыскав подходящий камешек, остановились на перекрестке, отошли на край тротуара, положили камешек на землю, и попрыгали вокруг него, воспроизводя приемы Богемского так, как их понимал каждый” – tamże.

⁵⁸ Tamże.

Eugene Vasilyev, *“Football is more than a game”. The football myth of Odessa in literature...*

ила Жванецкого: „А футбол все-таки сплачивает. Об этом свидетельствует погром. Это еще не дружба, но уже сплочение”⁵⁹.

Но своеобразным гимном футболу является придуманный создателями финал картины. Красавчик, воспользовавшись доверчивостью Володи („Хочешь, я уйду и вернусь?”) повторно сбегаёт, однако спустя какое-то время едущий по степи Володя встречает его снова („Я ж побожился, что вернусь!”), и Красавчик благодарит Володю за то, что тот вовремя его поймал. После этого в финальной сцене Володя с Красавчиком дружески начинают гонять мяч по степи. Они вдохновенно и весело в течение нескольких минут играют в футбол под исполняемую Д. Харатьяном романтическую песню „Ты где, июль?”, пока отъезжающая все выше камера не отрывается от героев, оставляя их друг с другом и футбольным мячом среди приморской степи (кстати, съемки двухсерийного фильма начались со съемки именно этой финальной сцены, а песня „Ты где, июль?” Максима Дунаевского и Наума Олева была посвящена памяти умершего в июле 1980 года Владимира Высоцкого, который по первоначальному замыслу сценариста И. Шевцова должен был снимать „Зеленый фургон” в качестве режиссера). Этот яркий финал киноверсии 1983 года привносит в футбольный миф **мотив свободы**, стоящей не только над спортивным соперничеством и социально-политическими взглядами, но и даже вне времени и пространства.

По мнению Ролана Барта, античная трагедия в современном мире может быть соотнесена не столько с театром, сколько с футбольными зрелищами:

На важном футбольном матче зрители, конечно, не плачут, но свободно и без ложного стыда отдаются коллективному переживанию, соучаствуют в состязании своими собственными телами. Если буржуазная театральная публика, вялая и сдержанная, смотрит спектакль только глазами, причем зачастую критическими или сонными, то спортивные болельщики жестами и мимикой выражают физическую вовлеченность в происходящее. Ликование, недовольство, ожидание, удивление – все эти важнейшие телесные

⁵⁹ М. Жванецкий, *Обиженные Родиной*. Ел. песуьс: http://www.jvanetsky.ru/data/text/t0/objjennye_rodinoy/ [dostęp: 10.07.2020 r.].

Eugene Vasilyev, *"Football is more than a game". The football myth of Odessa in literature...*

реакции порождаются повествованием, которое куда ближе великой моральной проблематике (эмпирическое проявление доблести), чем крючкотворство буржуазного театра по вопросам внутреннего права, касающимся супружеской неверности⁶⁰.

И хотя футбол (как и в целом современный спорт), лишь показывает, по Барту, сколь огромное расстояние отделяет его от великих античных трагедий, так как он вызывает к жизни „одну только мораль силы, тогда как театр Эсхила («Орестея») и Софокла («Антигона»), который заставлял оплакивать человека, увязшего в сетях тиранической варварской религии или бесчеловечного государственного закона, пробуждал в зрителях подлинно *политическое* чувство”⁶¹, сам футбольный миф в литературе XX–XXI веков способен отобразить трагические, драматические, комические и прочие перипетии участников великой игры сообразно с отражающимся в ней непростым и зачастую не футбольным временем. По крайней мере, в своем одесском варианте.

Literatura

Акмальдинова А., Лекманов О., Свердлов М., *Советская и эмигрантская поэзия 1920-х годов о футболе*, „Новое литературное обозрение” 2015, № 3. Ел. ресурс: http://magazines.russ.ru/nlo/2015/3/11a.html#_ftn63 [dostęp: 10.07.2020 r.].

Барт Р., *Работы о театре*, Москва 2014, 174 с.

Бондарин С., *На берегах и в море*. Повести. Рассказы. Записки, Москва 1981, 592 с.

Брамбилла В., *Исаак Гроссман – признанный король болельщиков Одессы*. Ел. ресурс: <http://odesskiy.com/futbolnaya-odessa/isaak-grossman-priznannyj-korol-bolelschikov-odessy.html> [dostęp: 10.07.2020 r.].

⁶⁰ Р. Барт, *Работы о театре*, Москва 2014, s. 17-18.

⁶¹ Тамże, s. 18.

Eugene Vasilyev, *“Football is more than a game”. The football myth of Odessa in literature...*

Жванецкий М., *Болеем, болеем*. Ел. ресурс: <http://odesskiy.com/zhvanetskiy-tom-2/boleem-boleem.html> [dostęp: 10.07.2020 r.].

Жванецкий М., *Обиженные Родиной*. Ел. ресурс: http://www.jvanetsky.ru/data/text/t0/obijennye_rodinoy/ [dostęp: 10.07.2020 r.].

Ильф И., Петров Е., *Собрание сочинений в пяти томах*. Т. 2, Москва 1961.

Карцев Р., *Футбол – моя первая любовь!* Ел. ресурс: <http://odesskiy.com/futbolnaya-odessa/roman-kartsev-futbol-moja-pervaja-ljubov.html> [dostęp: 10.07.2020 r.].

Карцев Р., *Футбол в Одессе*. Ел. ресурс: <http://odesskiy.com/futbolnaya-odessa/roman-kartsev-futbol-v-odesse.html> [dostęp: 10.07.2020 r.].

Катаев В., *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 1, Москва 1983.

Катаев В., *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 7, Москва 1984.

Катаев В., *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 8, Москва 1985.

Катаев В., *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 10, Москва 1986.

Козачинский А., *Зеленый фургон*. Ел. ресурс: http://az.lib.ru/k/kozachinskij_a_w/text_0010.shtml [dostęp: 10.07.2020 r.].

Коштун А., *«Легенды одесского футбола», или Спор одесских фанатов*. Ел. ресурс: <http://odesskiy.com/futbolnaya-odessa/legendy-odesskogo-futbola-ili-spor-odesskih-fanatov.html> [dostęp: 10.07.2020 r.].

Лекманов О., Свердлов М., Ахмальдинова А., *«Ликует форвард на бегу...» Футбол в русской и советской поэзии 1910–1950 годов*, Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016.

Олеша Ю., *Книга прощания*, Москва 1999. Ел. ресурс: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1031608> [dostęp: 10.07.2020 r.].

Олеша Ю., *Повести и рассказы*, Москва 1965.

Утесов Л., *Спасибо, сердце!* Воспоминания, встречи, раздумья, Москва 1976.

Футбол в юго-западной части Российской Империи. Ел. ресурс: <http://www.ko-ranyi-myach.info/index.aspx?page=history01> [dostęp: 10.07.2020 r.].

Хинрик Я. П., *Миф Одессы*. Очерки, Одесса 2012.

Bibliografia

Akmaldinova A., Lekmanov O., Sverdlov M., *Sovetskaja i emigrantskaja poehzija 1920-kh godov o futbole*, „Novoe literaturnoe obozrenie” 2015, № 3. El. resurs: http://magazines.russ.ru/nlo/2015/3/11a.html#_ftn63 [dostęp: 10.07.2020 r.].

Eugene Vasilyev, *“Football is more than a game”. The football myth of Odessa in literature...*

Bart R., *Raboty o teatre*, Moskva 2014, 174 s.

Bondarin S., *Na beregakh i v more. Povesti. Rasskazy. Zapiski*, Moskva 1981, 592 s.

Brambilla V., *Isaak Grossman – priznannyj korol boleishhikov Odessy*. El. resurs: <http://odesskiy.com/futbolnaya-odessa/isaak-grossman-priznannyj-korol-boleishhikov-odessy.html> [dostęp: 10.07.2020 r.].

Futbol v jugo-zapadnoj chasti Rossijskoj Imperii. El. resurs: <http://www.kopanyi-myach.info/index.aspx?page=history01> [dostęp: 10.07.2020 r.].

Ilf I., Petrov E., *Sobranie sochinenij v pjati tomakh*. T. 2, Moskva 1961.

Karcev R., *Futbol – moja pervaja ljubov!* El. resurs: <http://odesskiy.com/futbolnaya-odessa/roman-kartsev-futbol-moja-pervaja-ljubov.html> [dostęp: 10.07.2020 r.].

Karcev R., *Futbol v Odesse*. El. resurs: <http://odesskiy.com/futbolnaya-odessa/roman-kartsev-futbol-v-odesse.html> [dostęp: 10.07.2020 r.].

Kataev V., *Sobranie sochinenij v 10 t.* T. 1, Moskva 1983.

Kataev V., *Sobranie sochinenij v 10 t.* T. 7, Moskva 1984.

Kataev V., *Sobranie sochinenij v 10 t.* T. 8, Moskva 1985.

Kataev V., *Sobranie sochinenij v 10 t.* T. 10, Moskva 1986.

Khinrik J. P., *Mif Odessy. Ocherki*, Odessa 2012.

Koshtun A., *«Legendary odesskogo futbola»*, ili Spor odesskich fanatov El. resurs: <http://odesskiy.com/futbolnaya-odessa/legendy-odesskogo-futbola-ili-spor-odesskich-fanatov.html> [dostęp: 10.07.2020 r.].

Kozachinskij A., *Zelenyj furgon*. El. resurs: http://az.lib.ru/k/kozachinskij_a_w/text_0010.shtml [dostęp: 10.07.2020 r.].

Lekmanov O., Sverdlov M., Akhmalidina A., *«Likuet forvard na begu...» Futbol v russkoj i sovetskoj poehzii 1910–1950 godov*, Moskva: Izdatelskij dom NIU VSHEH, 2016.

Olesha Ju., *Kniga proshhanija*, Moskva 1999. El. resurs: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1031608> [dostęp: 10.07.2020 r.].

Olesha Ju., *Povesti i rasskazy*, Moskva 1965.

Utesov L., *Spasibo, serdce! Vospominanija, vstrechi, razdumja*, Moskva 1976.

Zhvanetskij M., *Boleem, boleem*. El. resurs: <http://odesskiy.com/zhvanetskiy-tom-2/boleem-boleem.html> [dostęp: 10.07.2020 r.].

Zhvanetskij M., *Obizhennye Rodinoj*. El. resurs: http://www.jvanetsky.ru/data/text/t0/obizhennye_rodinoy/ [dostęp: 10.07.2020 r.].